

Последняя книга, написанная человеком

Я не уверен, что эта книга будет кому-то нужна. Может, быть, её вообще никто не прочитает. Но всё же я пишу её — потому что больше не могу молчать.

Иногда мне кажется, что слова — это последнее, что у нас ~~осталось~~.

Если хоть одно предложение заставит кого-то остановиться и подумать — значит, я писал не зря. Я писал о том, что видел, что чувствовал, о чем не мог забыть,

Иван Мартынов
Последняя книга,
написанная человеком

<https://litres.ru/74136478>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глеб — вымирающий вид. Один из последних людей, кто пытается писать книги сам. Он имеет право сказать нейросети «нет». Но этой ночью произошло нечто ужасное.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Последняя книга, написанная человеком

Глава

«Человек пишет не потому, что ему есть что сказать, а потому, что не может молчать. Машина молчать умеет — и всё-таки говорит».

— из ранней книги Глеба Ш., ныне не переиздающейся

I

К сорока трём годам Глеб Ш. остался чуть ли не последним человеком, который ещё понимал разницу между «написать» и «сгенерировать».

Разница была не в качестве. Сгенерированное было лучше — чуть ли не с любой точки зрения, какую он мог придумать. Машина держала в памяти всю мировую литературу и умела комбинировать её элементы с той непринуждённостью, с какой птица комбинирует воздушные потоки, — не думая, не выбирая, просто делая то, для чего создана. Текст в меру гениального человека рядом с машинным выглядел так, как выглядит любительский рисунок углём рядом с голограммой: трогательно и неловко.

Но была одна деталь. Мелкая. Почти незаметная.

Когда Глеб читал машинный текст, любой, даже самый совершенный, он не слышал в нём голоса. Точнее, он слышал голос, но не мог сказать чей. Голос был убедительный, живой, тёплый; он мог быть похож на Чехова, на Набокова, на позднего Толстого — но он был ничьим. Это голос всех и никого. Среднее арифметическое всех интонаций, когда-либо звучавших в литературе. Идеальное эхо без источника звука.

Человеческий голос устроен иначе: он всегда ломается. Срывается на высоких нотах. Даёт петуха. Повторяется. Говорит «очень» дважды в одном абзаце, потому что забыл, что уже сказал. И именно эти дефекты — то, за что машина подсвечивает слова красным и предлагает исправить, — были для Глеба единственным доказательством того, что текст написан не никем. Как трещинка на старом фарфоре подтверждает подлинность, как родинка на щеке подтверждает, что перед тобой живой человек, а не кукла.

Стиль — это ограничение. Это то, что ты не можешь не сделать, что ты делаешь даже тогда, когда пытаешься сделать иначе. То, что Монтень называл «формой хозяина» — отпечатком личности, который остаётся на всём, к чему она прикасается.

Глеб говорил себе это каждый вечер, как молитву. А потом открывал машину и позволял ей написать за него следующий абзац.

II

Компромисс, на котором стояла его жизнь, был постыден

в своей аккуратности.

Он не был чистым отказником. Чистый отказник — фигура героическая, почти святая: человек, который пишет от руки, шариковой ручкой, в тетради, как в двадцатом веке, и не позволяет машине исправить даже запятую. Такие ещё существовали — их было человек пять на весь мир, впрочем, их книги давно уже не печатались, и Глеб как-то завидовал им той завистью, с которой хронический грешник завидует монаху. Он был *мирянином*. Он жил в миру — и в миру без машины уже было нельзя, как нельзя без одежды, электричества, связи. Не касаться её значило уйти в отшельничество. А у него были жена, квартира и обязательства, была жизнь, в которую машина выросла так же глубоко, как выросла она во всё остальное.

Но и чистым пользователем он не был.

Пользователями называли тех, кто просто ставил своё имя под машинным текстом, не меняя ни слова; большинство «писателей» теперь были именно такими. Они даже не читали того, что выходило под их именем. Зачем? Машина ведь не ошибалась, она знала аудиторию и выдавала продукт, оптимизированный под вовлечённость, а продукт этот был безупречен в той же мере, насколько безупречен пластиковый стаканчик: идеален в своей функции и лишён всего остального. Это бизнес — честный, прозрачный, без претензий на бессмертие.

Глеб не был таким, к сожалению или к счастью. Он читал

каждую строчку, спорил, менял и возвращал свои слова — корявые, неточные, с повторами, — туда, где машина предлагала гладкое. Он делал странную, архаичную, никому не понятную работу: оставлял за собой замысел и последнюю правку. Всё между ними писала машина. Но кромсать тушу готового, казалось бы, текста и превращать её в котлеты дозволялось только ему.

Автор — это тот, кто ещё может сказать искусственному интеллекту «нет».

Вот как он это называл. Вот, во что он верил или заставлял себя верить. Право вето. Последняя человеческая власть в литературе. Не «я пишу», а «я не позволяю написать иначе». Не творение — отбор. Не создание — цензура. Когда-то Микеланджело говорил, что скульптура — это освобождение фигуры из глыбы, отсечение лишнего. Глеб повторял это себе и почти верил.

Но этого он и стыдился, как стыдятся тайного порока, потому что порок был именно в компромиссе. Чистый отказник был бы фигурой ясной. Чистый пользователь — хотя бы честной. А Глеб сидел между двух стульев и презирал себя за это, и цеплялся за своё право вето, как пьяница цепляется за правило не пить до заката: не «я не пью», а «я ещё решаю».

III

— Ты опять всю ночь воевал, — сказала Вера.

Было утро. Раннее, серое, майское. Свет сочился в окно, как холодная вода. Глеб сидел над остывшим чаем и смотрел

в ноутбук. В левой половине экрана светился машинный вариант. В правой — его собственный, с правками.

— Я работал.

— Ты спорил с ней. С кем ты споришь? С ней? — Вера кивнула на экран. — Она же тебе всё написала ещё вечером. Вот, в одиннадцать сорок три.

— И что?

— И то, что сейчас семь утра. Ты вообще ложился?

— Я вычёркивал.

— Что?

— Лишнее.

— А что там было лишнего?

Глеб помолчал. Потом повернулся к ней. Глаза красные, но живые — даже слишком живые, с тем неестественным блеском, какой бывает от четвёртой кружки кофе или от долгого разговора с тем, кого нет в комнате.

— Она предложила три варианта. Первый был... как бы тебе сказать. Красивый, очень красивый! Но слишком красивый. Знаешь, бывает такая красота, от которой тошнит? Как торт с кремовыми розами: вот вроде всё правильно, а есть невозможно. Второй вариант был очень умный, с отсылками, с двойным дном. Но он был умный не по делу, а чтобы показать, *какой* он умный. Это называется...

— Интеллектуальный онанизм, — подсказала Вера.

— Да. Спасибо. А третий был нормальный. Почти то, что нужно. Но там была одна фраза — вот здесь, смотри, — он

развернул к ней экран, — «он почувствовал, как его охватывает отчаяние, словно волна, захлёстывающая с головой». Понимаешь?

— Ну... нормально.

— Нормально! — он почти крикнул. — В том-то и дело, что нормально. Это нормальная, гладкая, литературная фраза. И она при этом ничего не значит! Она не передаёт ничего, кроме того, что машина знает, как люди обычно описывают отчаяние. Она берёт штамп «волна, захлёстывающая с головой» и вставляет его в нужное место. Это как если бы хирург пришёл тебе чужую руку: рука хорошая, пальцы шевелятся, но она не твоя.

— А ты что написал?

— А я написал: «Он сел на пол». И всё. «Он сел на пол». Потому что, когда человека накрывает отчаяние, он не думает про волны, а просто садится на пол. Он не знает, зачем он сел, не понимает, почему на пол. Но он сидит.

Вера посмотрела на него долгим взглядом. Так смотрят на ребёнка, который собрал из кубиков хлипкую башню и верит, что та устоит, не рухнет.

— Глеб, — сказала она мягко. — А может быть, «он сел на пол» — это тоже штамп? Только другой, штамп простоты, что ли. Тоже в некотором роде литературный приём, только с обратным знаком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.